

Через полтора года после запрещения «Современника» возобновилась журнальная деятельность Некрасова, ему удалось договориться с собственником одного из самых старых петербургских журналов — «Отечественных записок» — А. А. Краевским о передаче редакции этого журнала в его руки.

В редакцию «Отечественных записок», кроме Некрасова, вошел сначала Г. З. Елисеев, а несколькими месяцами позднее, окончательно порвавший с государственной службой, М. Е. Салтыков-Щедрин.

Говоря об «Отечественных записках», нельзя не упомянуть, что, идя и в этом случае путем «Современника», они служили объединяющим центром для беллетристов демократического направления. Достаточно сказать, что в них постоянно сотрудничали Г. И. Успенский, Ф. М. Решетников, Н. Н. Златовратский, П. В. Засодимский, Н. И. Наумов, Ф. Д. Нефедов и многие другие. Из писателей старшего поколения в «Отечественных записках» с исключительным постоянством сотрудничал А. Н. Островский.

В годы редактирования «Отечественных записок» Некрасов создал ряд выдающихся поэтических произведений. Это прежде всего такие поэмы, как «Дедушка» (1870), «Недавнее время» (1871), «Русские женщины» (1871—1872), «Современники» (1875) и большая часть грандиозной эпопеи «Кому на Руси жить хорошо» («Последыш», «Крестьянка», «Пир — на весь мир», 1872—1876). Работая над поэмами, Некрасов не ослаблял и чисто лирического творчества. Последний прижизненный сборник его стихов («Последние песни», 1877) был, в основе своей, сборником лирических стихотворений.

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении лирики 70-х годов, это то, что она в огромном большинстве случаев, опять-таки в теснейшей связи с политической ситуацией, вдохновляется мыслью о народе и о революции, как единственном выходе из того тупика, в который ввергли народ после крестьянской реформы 1861 года правящие классы.

Подлинной стихотворной декларацией Некрасова в 70-е годы является его «Элегия», которую он называл «самыми... задушевными и любимыми» стихами «из написанных... в последние годы» (XI, 332). В «Элегии» отчетливее, чем когда-либо, Некрасов определяет миссию поэта, как служение народу (в «Элегии» даже несколько раз употреблено слово «служить»), и заявляет:

Толпе напоминать, что бедствует народ
В то время, как она ликует и поет,
К народу возбуждать вниманье сильных мира —
Чему достойнее служить могла бы лира?..

Со справедливой гордостью озирая пройденный им путь, Некрасов приходит к следующему итогу:

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди!..

Таким образом, не «рыцарем на час» изображает себя в этом стихотворении поэт, а воином, идущим в бой. Иного пути, как идти в бой, нет и быть не может, ибо для поэта ясней ясного, что положение народа после реформы не улучшилось, а ухудшилось. В стихотворении

«Как празднуют трусу» об этом говорится с недопускающей никаких сомнений определенностью.

Вслед за стихотворением «Элегия» заслуживает исключительного внимания стихотворение «Поэту», написанное в стиле несколько возвышенном, несколько необычном для Некрасова. Но его боевой, местами прямо-таки революционный пафос вне всякого сомнения.

Вооружись небесными громами!..
Казни корысть, убийство, святотатство!
Сорви венцы с предательских голов...

Вот с какими призывами обращается здесь Некрасов к поэту.

«Сорви венцы с предательских голов» — одна эта строчка представляет собой пример поразительной смелости певца революционной демократии.

Народ и революция — вот к чему неотвязно прикована мысль Некрасова в 70-е годы. Раздумья о положении народа иногда окрашены у него в грустные, даже пессимистические тона (см., например, стихотворение «Уныние»). Но Некрасов умеет их преодолевать. За год до «Уныния» он написал стихотворение «Накануне светлого праздника», в котором овеянный мягкой, ласкающей красотой сельский пейзаж («Я ехал к Ростову Высоким холмом» и т. д.) обрамляет широкий показ трудового народа. Чрезвычайно удались поэту по своему лаконизму и на редкость умелому подбору наиболее характерных черт портреты представителей различных трудовых профессий — кузнецов, портных, красильщиков, в особенности пильщиков.

Стихотворение «Накануне светлого праздника» имеет подзаголовок «Из стихотворений, посвященных русским детям». Это дает основание связать его с циклом «Стихотворения, посвященные русским детям», первая часть которого («Дядюшка Яков», «Пчелы», «Генерал Топтыгин») относится еще к 1867 году, а вторая («Дедушка Мазай и зайцы» и «Соловьи») — к 1870 году. Правда, стихотворение «Накануне светлого праздника» по силе проникающего его лиризма отличается от остальных пяти стихотворений цикла, но и в них, несмотря на преобладание эпических элементов, лирическая струя нашла себе некоторое место, выражаясь в самом тоне рассказа.

Наибольший материал для характеристики отношения Некрасова к мужику, бесспорно, дает знаменитое стихотворение «Дедушка Мазай и зайцы» — один из лучших образцов столь частых у Некрасова «записок охотника». Внутренний облик Мазая определяет его безграничная любовь к родине и родной природе («Старый Мазай Любит до страсти свой низменный край»), сливающаяся с любовью ко всякому живому существу.

«Дедушка Мазай...» — одно из тех стихотворений, которые помогают воспитывать гуманные чувства. Его успех у читателей, в частности у юных читателей, зависит, разумеется, не только от проникающей его гуманности, но и от занимательности сюжета (спасение тонущих зайцев в лодке). «Дедушка Мазай...» — это одно из достижений некрасовского реализма, соединяющее жизненность образов и сцен с конкретностью и простотой языка.

В рассмотренных стихотворениях данной группы мотив народных страданий не находит себе яркого отражения, но это не значит, что поэт о них не думает. Последнее в цикле стихотворение «Соловьи» снова напоминает о них с исключительной силой. В концовке стихотворения, отвечая на вопрос сына, нет ли «таких рощиц» на свете, где людям жилось так же привольно, как живет соловьям в особой предназначенной для них роще («Избави бог тут ставить сети!»), крестьянка говорит:

«Нет, мест таких... без податей
И без рекрутчины нет, дети.

А если б были для людей
Такие рощи и полянки,
Все на руках своих детей
Туда бы отнесли крестьянки...»

Цензура не преминула выразить свое крайнее неудовольствие автором стихотворения и журналом, его поместившим («Отечественные записки»): «...желательно было бы избежать сопоставления их (т. е. податей и военной службы. — В. Е. -М.) с силками и сетями».⁴⁸

Таким образом, не замалчивая бедствий народа, подчеркивая их иной раз с исключительной силой, Некрасов твердо стоял на той точке зрения, что и индивидуальные представители народа и народные массы в целом заслуживают любви и веры в их не сломленные долгими веками рабства духовные силы. Вот почему поэт не сомневался в лучшем будущем народа и говорил о нем постоянно с таким лирическим подъемом и одушевлением, с такой изумительной прозорливостью, что некоторые из созданных им в это время стихов получили характер пророчества. Сказанное в первую очередь относится к знаменитому шестнадцатистишию из стихотворения «Горе старого Наума»:

Увы! я дожил до седин,
Но изменился мало.
Иных времен, иных картин
Провижу я начало

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине
Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

В этих великолепных стихах выражены отдаленные от нашего времени несколькими десятилетиями предвещения того, что ставит своей целью великое строительство в нашей стране, открывшее светлый путь к народному счастью, к коммунизму. Но путь этот, крепко верит Некрасов, лежит через революцию.

На самом пороге 70-х годов (в 1868 году) Некрасов создал два стихотворения, в которых его революционно-демократическое credo нашло исключительно яркое выражение. Это — стихотворения «Мать («Она была исполнена печали...») и «Душно! без счастья и воли...». Их содержание не нуждается в особых комментариях. Сказать яснее, что

Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее — тернового венка...

невозможно. Под терновым венком поэт понимает тот венок, который был уготован активным участникам революционного движения. Страстную жажду революционного взрыва поэт выразил во втором стихотворении («Буря бы грянула, что ли?»).

Имеются два варианта этого стихотворения: в одном призыв к буре заканчивается словами:

Чашу *вселенского* горя
Всю расплещи!..

во втором словами:

Чашу *народного* горя
Всю расплещи!..

Едва ли правильно противопоставлять один вариант другому. Расплескать «Чашу *народного* горя» — эта задача, как были убеждены революционные демократы, может быть с успехом разрешена русской крестьянской революцией. Некрасов, подобно Чернышевскому, Добролюбову, верил в крестьянскую революцию, хотя, обладая на редкость трезвым и реалистическим складом ума, не ожидал ее наступления скоро. Однако это не мешало ему с пристальным вниманием следить за событиями международной революции.

Эти думы с особой силой овладели душой поэта именно в 70-х годах под впечатлением Парижской Коммуны.

В настоящее время можно считать доказанным, что стихотворения Некрасова «Страшный год» и «Смолкли честные, доблестно павшие...», написанные, повидимому, в 1872 году, потрясающими красками изображают падение Коммуны и гибель коммунаров. Сочувствие Некрасова в обоих этих стихотворениях полностью на стороне коммунаров. А Парижская Коммуна и какой-то мере была зарей мировой революции. Не забудем, что В. И. Ленин писал:

«На плечах Коммуны стоим мы все в теперешнем движении».⁴⁹

Среди лирических стихотворений рассматриваемого периода сравнительно редки интимно-лирические, но всё же они есть, причем и на них лежит яркая печать зрелого мастерства поэта. Об этом как нельзя ярче свидетельствует знаменитое стихотворение «Три элегии» с подзаголовком «А. Н. Плещееву».

Примечания

⁴⁸ «Голос минувшего», 1918, № 4—6, стр. 87.

⁴⁹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 8, стр. 182.